

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ РУКОПИСЬ И. А. ОРБЕЛИ

Окончив Петербургский университет, И. А. Орбели был оставлен при кафедре, возглавляемой акад. Н. Я. Марром. В 1911 г. он отправился в Турецкую Армению, где в районе Мокс, прилегающем к Ванскому озеру, занялся местными говорами армянского и курдского языков.

По пути из Трапезунда в Эрзерум его внимание привлекла цитадель небольшого города Байбурт, некоторыми чертами похожая на крепостные сооружения города Анн, в раскопках которого он еще студентом принимал участие. В результате внимательного осмотра появилось описание Байбуртской цитадели с фотографическими снимками, главным образом—башен с арабскими надписями.

В Петербурге И. А. Орбели показал фотоснимки академику В. В. Бартольд, который не придал им особого значения, так как надписи сообщают лишь о строительстве башен. К этим строительным надписям на башнях относится и последний лист рукописи И. А. Орбели. Надписи по поручению И. А. Орбели изданы мною в 1956 г. в статье под названием «Неизданные надписи Байбуртской цитадели» в VIII томе «Византийского временника» (с. 306—330).

С исполнившимся столетием со дня рождения И. А. Орбели представилось уместным впервые опубликовать, как образец его ранних работ, и краткое описание самой цитадели.

Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН (Ленинград)

И. А. ОРБЕЛИ. БАЙБУРДСКАЯ ЦИТАДЕЛЬ (Из путевых заметок). 1913 г.

По пути из Трапезунда в Эрзерум мне пришлось проехать 29 июля [1911 г.] через маленький, весьма грязный, но не лишенный некоторой живописности городок Байбурт или Баберт, как его именуют местные армяне. Называя Байбурт «маленьким городком», должен впрочем оговориться, что это самый значительный пункт на всем пути от Трапезунда до Вана (разумеется, если не считать Эрзерума), с обширным рынком и несколькими закрытыми домами. Через Байбурт проходят все товары, идущие из Трапезунда в восточные провинции малоазиатской Турции и это способствует обогащению и, как мне говорили, значительному росту города.

В Байбурте я нарочно задержался на несколько часов, т. к., еще подъезжая к городу, был заинтересован развалинами большой крепости, венчающими довольно высокую гору. Крепость еще более заинтересовала меня, когда я приступил к ее осмотру: во многих отношениях она напомнила мне стены Анн.

Главная часть города расположена с восточной стороны, под цитаделью, и перерезана Чорохом—в этом месте спокойной, медленной речкою (рис. 1)*. Лишь один пригород Байбурта лежит по другую сторону со всех сторон обособленной и открытой горы, на которой возвышается цитадель. Верхушка горы скалиста, но довольно легко доступна (см. рис. 2 и 3)*, хотя едва взберешься на эту скалу, как оказываешься вплотную перед стеной, иногда не имея даже достаточно места, чтобы повернуться. Это должно было значительно затруднять задачу напада-

* В рукописи нет зарисовок.

ющих, которые даже не могли действовать против стен. Этим должна объясняться хорошая внешняя сохранность стен. По этой же причине лишь с очень большим трудом удалось сфотографировать надписи на стенах, не имея возможности отойти на должное расстояние и рискуя уронить аппарат со скалы; большую помощь оказал при этом мой случайный попутчик от селения Вардаһан до Эрзерума симпатичный молодой эрзерумский купец Ерванд Ягутьян. Благодаря его же помощи я получил возможность зарядить аппарат—говорю об этом ввиду необычности места—в карцере или тюрьме (*qrb'qsh'*) одной революционной организации, попросту грязной конуре в конюшне «клуба» этой партии, где отбывают заключение и подвергаются телесному наказанию члены организации.

Этот же Ерванд сообщил мне, что почти до середины прошлого столетия внутри цитадели была жизнь; бабка одного его приятеля, старуха лет 90, до выхода замуж жила внутри цитадели, где тогда по ее словам было поселение; насколько она помнит, города внизу, у подножья горы, тогда еще не было. Это последнее обстоятельство однако же более чем сомнительно, едва ли возникновение города может относиться к столь недавнему времени; вероятно, либо старуха запамятовала, либо ее неверно поняли ее внук и его приятель.

Верхняя площадка горы, на которой расположена крепость, имеет приблизительно следующий вид*.

Затушеванная часть, обращенная к Чороху и главной части города, значительно выше остальной площади, также как холм в середине плато. Внутренняя окружность цитадели равняется 910 метр[ам]; впрочем, эта цифра может быть принята лишь с некоторой поправкой, т. к. измерять стены пришлось при помощи десятиметровой ленты, и при измерении ломаной линии стен могла получиться маленькая неточность. В эту цифру—910 м—не входит площадь между главной стеной цитадели и дополнительной наружной, отстоящей от главной на значительно большее расстояние, чем обыкновенно в Ани, приблизительно так, как перед Главными воротами в Ани; при этом наружная стена не представляет сплошного кольца, а защищает крепость лишь со стороны города и с северо-западной стороны, а также в нескольких отдельных пунктах. Интересную особенность этих стен составляет то, что они сплошь засыпаны сзади, и местами производят такое впечатление, как будто так было сделано изначала; быть может, они должны были скрывать защитников лишь своими зубцами, теперь не сохранившимися, и земля была насыпана умышленно.

Кроме этого второго ряда стен есть еще другие стены, спускающиеся от главной линии вниз по склону горы. Таких стен кажется всего три, две со стороны, обращенной к Чороху, а одна—с противоположной; все эти стены также снабжены башнями, но не такими мощными, как главная стена. От левой из двух стен, обращенных к городу, отходит еще стена, концентрическая к главной стене цитадели. Вся эта вторая группа стен, т. е. стен, спускающихся от верхушки горы, отличается от главных, хотя тоже не однородных, и видом, и кладкой, и толщиной, и вышиной, и зубцами, и в общем значительно хуже нх. В дальнейшем я их уже не буду касаться.

Главные стены крепости, судя по их кладке и внешнему виду, бесспорно относятся не к одной эпохе, а к нескольким, думаю, довольно далеко отстоящим друг от друга. Они сохранили много признаков существенного обновления и в очень многих местах бывали заново облицова-

* В рукописи пропущена строка, но рисунка нет.

ны: имеются по два, по три слоя стен, как в Ани, притом резко отличающихся друг от друга. Характер этих наслоений тот же, что в Ани: перед лицевой кладкой стены вилотную выводится новая стена, сзади— черная, спереди—лицевая. Иногда около башен, где требовалось обложить новым рядом и основную стену и стены башни, наблюдается сложная группировка слоев, переплетающихся между собою, вероятно, по причине одновременного укрепления стены и башни. Утолщая стены, обновители не заботились о возвышении стен, по крайней мере, я не заметил таких случаев.

Несмотря на неоднократное обновление, стены Баберта значительно тоньше анийских, даже там, где они были дважды облицованы. Вероятно, это стоит в связи с тем, что байбуртские стены несли гораздо меньшую охватываемость, чем анийские: они возведены на несравненно более неприступном месте, чем открытая сторона Ани. Вероятно, вследствие того же они имеют менее боевой вид: их не касались ни таран, ни метательные снаряды.

Впрочем, опасность действия тараном, кажется, не была исключена.

Этим, или, вероятнее, боязнью землетрясения, должна быть объяснена основная особенность конструкции стен, видимо всех эпох, кроме разве лучшей: это деревянные бревна, проложенные в середине толщи стены, вдоль стены; более редки, но все же встречаются и небольшие поперечные прокладки.

Продольные бревна, связывая между собою сравнительно большие участки стены, должны были предохранять ее от крупных брешей, а также придавали некоторую устойчивость всему сооружению¹. В нескольких местах эти продольные бревна совсем истлели, и от них остались лишь длинные пустые гнезда, которые легко могут быть приняты за трубы, особенно в местах, где бревна не имели надлежащей толщины.

Число бревен в каждом данном участке, т. е. расположенных одно над другим, кажется, не превышает двух-трех. В редких случаях попадаются и наружные прокладки, как на двухэтажной башне (рис. 2).

Башни Баберта по плану и внешнему виду значительно разнообразнее, чем в Ани, башни которого могут быть в сущности сведены к трем, много—[ж] четырем типам.

Строитель, вернее строители Баберта мало заботились о том, чтобы сохранить общий характер башен и всей постройки, а может быть тут имела значение страсть к ассиметрии. Иногда без всяких оснований, совершенно независимо от условий местности башня принимает странную, несообразную форму. Простейший план бабертских башен представляет прямоугольник с большим или меньшим приближением к квадрату, т. е.

в виде или ; также обыкновенны башни полу-

круглые, имеющие в плане полуокружность, т. е. в виде

встречается и сочетание этих двух типов в виде , где боковые-

стенки прямолинейны и перпендикулярны к основной линии стен, а передняя идет округло, причем передние углы исчезают. Башни, расположенные на углах цитадели и в том месте, где северо-восточная стена

¹ То же приспособление и в тех же целях я встретил и при осмотре цитадели Адельджеваза (Арцк) на берегу Ванского озера.—Здесь и далее прим. И. А. Орбели.

преломляется почти под прямым углом, со стороны, противоположной городу; очень толсты и в плане имеют около трех четвертей окружности,

т. е. в виде . Очень оригинальны две башни, расположенные со стороны города. Одна из них была бы квадратна (с недохватом в длине боковых стен), если бы ее правый угол не был резко срезан, в виде

 ; при этом это образование башни не может быть объяснено

недостатком места или другими подобными условиями; вторая башня боковые стены имеет перпендикулярными к основной, а передняя стена ее идет в виде тупого угла, так что она имеет не три стороны, а четыре в

виде . Имеется также несколько треугольных башен с боль-

шим или меньшим разгоном сторон, т. е. в виде или

как разновидность этого типа башен можно рассматривать фальшивые башни контрфорсы.

К сожалению, без раскопок нет никакой возможности охарактеризовать внутреннее устройство башен, кроме четырех, которые не могут быть приняты за тип. Представляется возможным, что многие башни были открыты во внутрь цитадели. Во всяком случае крайне желательны раскопки этих башен, сейчас в большинстве доверху засыпанных; только тогда выяснится достаточно вопрос об отношении Баберта к анийским укреплениям. Все четыре башни, внутренность которых доступна осмотру (хотя бы отчасти), расположены со стороны города, при этом три из них—рядом. Самая большая из них, четырехугольная, очень толстая и крайне грубой кладки, смотрит прямо на мост через Чорох. Внутри ее помещается квадратная зала, каждая сторона которой имеет 8,5 м; в южной стене было окно, позже заложено; от следующего этажа остались лишь гнезда балок и обрывки стен с очень просторными бойницами, вернее окнами, из которых сохранилось два.

Стоящая рядом (налево) башня тоже имеет сейчас два этажа, из которых один без окон, не сохранившийся, почти засыпан. Ширина его 5,4 м, длина 7,2 м; потолок был высок. То, что осталось от верхнего этажа, производит такое впечатление, как будто эта зала была совершенно открыта в сторону города; боковые же стены имели по три больших окна, перекрытых не сводчатой перемычкой, а при помощи деревянных перекладин; из этих окон в южной стене сохранилось два и часть третьего, в северной—одно и часть другого.

Находящаяся рядом башня внутри представляет собою большую нишу шириною в 3,5 м при глубине 2,5 м. В середине ниши находилось большое окно, которое позже было заложено, причем были оставлены две круглых амбразуры.

Наконец имеется еще одна башня на крайнем левом углу; она отличается очень большими размерами и интересна своим перекрытием: своды сходятся к середине от четырех стен, образуя диагональные ребра; в этой башне, кажется, находились одни из ворот.

Зубцы башен и стен, особенно резко характеризующие внешность укреплений, сохранились в Баберте очень плохо. Из главных башен я

видел зубец только на одной, притом лучшей постройки и лучшей поры; этот зубец по своему виду в точности подходит к зубцам Захаридской башни в Цветниковом ущелье в Ани, с прямыми стенками и округлым верхом. Зубцы же дополнительных стен, худшей постройки, хотя сохранились во множестве, но не хорошо, и мне не ясны.

В бойницах Баберт любит большой простор, тут трудно найти узкие длинные окна анийских башен, бабертские бойницы скорее похожи на окна, от которых их иногда трудно отличить. Как было уже сказано, одно такое окно в башне было позже заложено, и оставлены два круглых отверстия². Таких тонких отверстий довольно много в бабертских стенах, и не всегда ясно, служили они бойницами или «подзорными трубами»; второе назначение, пожалуй, более вероятно.

По общему способу кладки стены Баберта значительно отличаются от анийских. Облицовочный камень не имеет форму пирамиды, как это почти всегда бывает в Ани, а скорее приближается к кубу. Бутовая кладка более мелкая и беспорядочная, заливка же, хотя хорошая и плотная, уступает анийской. Песок для цемента и заливки брался речной, непросеянный, с крупным гравием. В башне я не заметил камней старой отески, взятых из стен старых зданий или памятников.

Снутри стены почти везде имеют одинаково грубый и неопрятный вид, хотя они облицованы, камень не тесанный, а оббитый, с толстыми голыми швами. Лишь местами на стенах лучшей поры видны камни, обтесанные плоскими, а не прямыми ударами молота, т. е. не самой чистой отески.

По внешности наружной стороны стены делятся по эпохам. Небольшая часть стен облицована камнем, обтесанным чисто и гладко, причем камни пригнаны довольно плотно друг к другу, так что кладка близко подходит к кладке так называемых стен Смбага в Ани. С ними смежны по достоинству стены, кладка которых весьма близка к анийской «захаридской», с плоской отеской камня; такую кладку имеет крайняя левая (для зрителя) башня³ со стороны города, на камнях которой, кстати, много значков, вообще очень редких; камни в нижних рядах кладки этой башни очень оригинальны: это единственный случай рустичной отески.

Стены имеют значительно худший вид, когда швы между камнями почти такой же частоты замазываются небольшим сравнительно количеством извести. Имеются башни и с широкими незамазанными швами. Более неопрятный вид имеют стены той же кладки, но со швами сплошь замазанными известью, которая в виде неровной рамки скрывает большую часть каждого камня. Наконец, имеется и совершенно безобразная кладка хуже даже, чем дополнительные турецкие стены в храме в Бана; таковы две большие башни⁴, находящиеся почти в середине стороны, смотрящей на город.

Разница в способе отески и кладки всех перечисленных родов стен настолько велика, что ни в коем случае они не могут относиться к одному времени; их должны были строить совсем различные люди.

Материалом при постройке стен главным образом служил мягкий темно-желтый камень, по мягкости и общему виду близко подходящий к анийскому, но более мелкозернистый. Вперемежку с ним, особенно в башне, встречаются куски того же твердого блестящего, кремневидного

² Впрочем, как известно, подобные окна встречаются и в Анийских башнях, напр. в башне 32, стоящей налево от Главного въезда в город.

³ С горельефной надписью.

⁴ С залами (см. выше).

бледно-розового камня, который составляет массив скалы, на которой возведена цитадель. В значительно большем количестве встречается особый пористый камень, представляющий собою окаменелые под действием извести растения; отдельные стебли особенно хорошо видны в обильных пустотах и гнездах. Этот камень, более легкий и в то же время достаточно твердый, употреблен главным образом в конструкции арок и сводов; впрочем, в более поздней, крайней правой (для зрителя) со стороны города башне он пошел и в кладку стен.

Стены Баберта не так богаты украшениями, как стены Ани. Особенно бросается в глаза отсутствие крестных камней с их кружевной резьбой. Вообще украшения обработкой камня я видел лишь на одной башне, со стороны города крайней левой (для зрителя), той самой, на камнях которой много знаков каменщика; эта башня опоясана полува-ликом, изломанным в виде квадратных зубцов. Впрочем, лучшим украшением этой башни является горельефная арабская надпись крупными буквами, идущая в одну строку по всей ширине лицевой стены, надпись сверху и с боков окаймлена сильно выступающим карнизом, украшенным помимо сухариков довольно тонкой растительной плетёнкой.

Зато бабертские стены очень богаты вставными мелкими украшениями.

Некоторые участки стен украшены вставленными полными блюдами, тарелками и даже мисками. Я видел лишь многочисленные пустые гнезда от них; самые блюда сохранились в количестве двух и одного фрагмента на одной треугольной башне, особенно изобилующей пустыми гнездами; все три экземпляра темные, зеленовато-голубые. Судя по ним, специального производства для украшения стен не было, а просто в стены вставлялась обыкновенная посуда: на одном из блюдец я видел распространенный прямолинейный орнамент анийской посуды невысокого достоинства. По словам местных жителей, тарелки и блюда, сохранившиеся в большом числе до последнего времени, были всевозможных цветов; их поывнимали проезжие путешественники и местные «антикаджи», продававшие их потом по турецкой лире за штуку; я этих блюдец на базаре не нашел.

Помимо тарелок в камни были вставлены крупные четырехугольные плитки, от которых сохранились, впрочем, тоже лишь гнезда. Я видел на месте только одну прямоугольную плитку с жалкими остатками голубой глазури. Гнезда же почти все квадратные, причем плитки стави-

лись или на ребро

или на угол

Почти в середине южной части плато находится довольно высокое скалистое возвышение в виде приземистого холма, с почти плоской верхушкой, по внешнему виду эта розоватая кремнистая скала ничем не отличается от основного массива горы. Почти вся верхушка холма занята довольно хорошо сохранившимися развалинами каменного здания, под юго-восточным углом которого расположены два колодца, если только их можно так назвать. Оба они высечены в скале, имеют в плане почти совершенно правильный круг; впрочем, план меньшего из них отличается некоторой угловатостью и неправильностью по сравнению с большим. Большой из этих двух колодцев находится под южной стеной здания, на самом ее восточном конце и сейчас представляет собой яму диаметром 3,4 м, глубиной около 1,5 м. Низ этой ямы завален землей и без раскопок определить истинную глубину колодца невозможно. Второй колодец лежит на восток от первого, имеет в поперечнике 2 м, а глубину сейчас приблизительно ту же, что первый.

Мой спутник по поводу этих колодцев сообщил мне то, что принято говорить о всех углублениях и провалах в древних крепостях: это—начало подземного хода к реке и даже куда-то дальше. Конечно, это объяснение назначения колодцев, общераспространенное в местном населении, должно быть оставлено, не для чего было делать два хода (или два устья) у одного подземного хода: неразумно было выбрать для начала этого хода самое возвышенное место горы; при весьма твердом грунте каждая лишняя сажень имела большое значение и естественнее было выбрать более низко лежащий пункт обширного плато; и помимо этого, значительная высота горы и твердость грунта вызывают сомнения в возможности сооружения подобного хода. Вероятнее, что эти два колодца—цистерны для дождевой воды; мешающие подобному объяснению значительные трещины в скале, вообще изобилующей трещинками, в древности могли быть наглухо замазаны. Конечно эти два колодца, если не предполагать, что они были чрезвычайно глубоки, были слишком ничтожными водохранилищами для крепости, но все же они могли принести известную пользу.

Здание, занимающее вершину холма,—церковь, снаружи имеет прямоугольную форму, причем на востоке выступают три абсиды; боковые снаружи округлы (менее половины окружности), а средняя—большая, имеет пять граней. Снаружи имеются кое-какие остатки штукатурки. Стены возведены из камня всех трех, если не более, пород, замеченных мною в кладке крепостных стен; кладка крайне грубая, беспорядочная, не соблюдена даже правильность рядов, что заставляет предполагать, что строитель рассчитывал прикрыть все эти недочеты штукатуркой.

Во внутрь церкви ведут две двери в южной и западной стенах. Внутренность церкви вся завалена на значительной высоте, особенно в середине и под северной стеной.

Внутри церковь также представляет правильный прямоугольник, длиной 12,2 м (не считая абсид) и шириной 10,5 м. Все три абсиды внутри округлы, имеют в плане менее половины окружности; зев большой абсиды—4,7 м, при глубине—3,7 м; зев южной—2 м, при глубине—1,6 м; северная абсида совершенно обрушилась. В глубине абсиды имеется по окну. Абсиды отделяются друг от друга значительными выступами стены, толщиной в 1,1 м. Против этих выступов на западной стене по сторонам двери имеются остатки двух пилястров мелкой кладки, шириной в 0,6 м и на расстоянии 2,25 м от южной и северной стен. Такие же пилястры имеются и на южной стене, тоже по сторонам двери, на равном от нее расстоянии и на расстоянии 3,7 м от западной стены и 3,2 м от восточной. Эти пилястры, особенно западные и соответствующие им выступы восточной стены между абсид, а также остатки округлого свода у южной стены, наводят на предположение, что церковь эта купола не имела, а представляла собою трехнефную базилику. При сравнительно немалой ширине и длине церкви пилоны, способные выдержать тяжесть купола, должны были быть слишком толсты, чтобы исчезнуть бесследно; несмотря на все старания, мне не удалось найти никаких остатков этих пилонов, да и куча мусора в середине церкви мне кажется меньше, чем должна бы была быть, если она образована рухнувшим куполом. Поэтому кажется более вероятным, что в этой базилике пилонов не было, а было два ряда колонн, сравнительно тонких и по условиям местности—мелкой кладки, которые действительно могли разрушиться, не оставив следов.

Свод, остатки которого имеются у южной стены, а также конха южной абсиды (другие две абсиды обрушились) были выведены из упоминавшегося пористого легкого камня.

Внутри церковь вся была выштукатурена известью, сероатой и нечисто просеянной. В главной абсиде мне удалось заметить крайне незначительный остаток росписи; возможно, что росписью была покрыта лишь одна эта абсида, т. к. больше нигде я не усмотрел следов краски.

Помимо этой церкви внутри цитадели имеются еще более или менее значительные остатки двух зданий. В северо-восточном углу плато вдоль восточной крепостной стены тянется длинная зала; сейчас эта зала находится под землей и ее обрушившийся свод—на уровне почвы. Ширина этого помещения—4,85 м, длина—19,9 м, при очень значительной высоте потолка. Кладка стен весьма чистая и хорошая, внизу—обыкновенного, мягкого камня, а своды—пористого. По слабым остаткам стен здания, идущим выше свода, можно предполагать, что здание это имело второй этаж. Между этим зданием и крепостной стеной имеются две поперечные стены. Другое такое же точно здание, но с более явственными следами второго этажа, находится на севере от первого. Отсутствие окон и дверей в одних этих залах, быть может, должно указывать на их специальное назначение: цистерны для воды, как в южной половине дворца в Анийском вышгороде.

Надписи.

Одна из байбуртских надписей, помещенная на крайней левой башне со стороны города, уже упоминалась выше. Остальные надписи более скромны по своему виду; небольшие буквы вырезаны на плитах, окаймленных простым карнизом и вставленных в башни видимо еще во время их сооружения.

Հ. Ա. ՕՐԲԵԼՈՒ ՉՀՐԱՊԱՐԱԿՎԱԾ ՁԵՌԱԳԻՐԸ

Լ. Տ. ԳՅՈՒԶՍԼՅԱՆ (ԱԵԻԵՊՐԱՊ)

Ա Վ Փ Ձ Ք Ն Վ

1911 թ. Հովսեփ Օրբելին ուղևորվում է Արևմտյան Հայաստան, որտեղ, Մոկսի շրջանում, գրառվում է հայերենի և քրդերենի տեղական խոսվածքների ուսումնասիրությանը: Տրապիզոնից էր գրում տանող ճանապարհին նրա ուշադրությունը գրավում է Բայբուրդ քաղաքի միջնաբերդը, որն իր որոշ գծերով նման էր Անիի ամրություններին: Մանրակրկիտ դիտումից հետո նա գրում է Բայբուրդի միջնաբերդի նկարագրությունը, որին կցում է մի շարք լուսանկարներ՝ հատկապես արաբերեն արձանագրություններով աշտարակների: Արձանագրությունները վերաբերում են աշտարակների կառուցմանը: Դրանց է նվիրված Հովսեփ Օրբելու ձեռագրի վերջին էջը: 1956 թ., Հ. Օրբելու հանձնարարության արձանագրությունները մեր կողմից հրատարակվել են «Византийский временник»-ի VIII հատորում (էջ 306—330):

Հովսեփ Օրբելու ծննդյան հարյուրամյակի կապակցությամբ նպատակահարմար գտանք հրատարակել նաև միջնաբերդի նկարագրությունը, որպես նրա վաղ շրջանի գործերի մի նմուշ: